

© 2005 г.

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Алексис де Токвиль. Социология государства и права

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики.

Социология права исследует взаимоотношения права как социального института (и совокупности юридических норм, регулирующих поведение людей) с социальной структурой и с ее изменениями. Понятие социального института пришло из правоведения и использовалось еще на начальном этапе становления социологии (в работах Г. Спенсера) для обозначения устойчивого комплекса принятых в обществе формальных и неформальных установлений, предписаний, норм и правил, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и определяющих распределение ролей и статусов. В совокупности эти нормы и правила образуют социальные системы. С позиций данного подхода задача социологии права состоит в выявлении самостоятельного значения правовой нормы в конструировании социальных институтов (поскольку именно нормы создают основу информационной структуры институтов и их функционирования). Эта научная дисциплина формировалась на протяжении всего XX в. и до настоящего времени ведутся дискуссии о разграничении ее предметных областей с такими близкими дисциплинами как, например, юридическая антропология. Однако она опирается на значительную научную традицию. Вопросам становления права как особой системы социальной организации немало внимания уделяли Э. Дюркгейм и М. Вебер. Они интерпретировали правовую систему в рамках теории социальной дифференциации, функционального распределения ролей в обществе и выдвигали его типологию на различных этапах с точки зрения институционализации, нормативизма и функциональной роли правовой нормы в социальном регулировании. Данный подход позволяет увидеть в праве главный

инструмент социальной организации, разрешения конфликтов, обеспечения безопасности и социального мира. С этих позиций мы рассмотрим концепцию Алексиса де Токвиля (1805-1859), которая не только стоит у истоков социологии новейшего времени, но и отвечает всем основным критериям оригинальной политической теории и социологии права как специального направления исследований [1].

Метод Токвиля следует признать методом политологического и социологического исследования. Его значение состоит в теоретическом осмыслении демократии как глобального социального явления на основе исследования переходных процессов в обществах. Фундаментален вклад мыслителя в такие области политической науки, как учение о государстве и демократии, теория социальных кризисов и поддержания стабильности, сущности политической власти и ее легитимации [2]. Концепцию Токвиля оказывается возможным интерпретировать в категориях современной социологии права – нормативизма, структурного функционализма, социологии власти и лидерства. С другими основателями современной социологической теории – Марксом, Контом, Спенсером, Дюркгеймом и Вебером, Токвиля сближает три методологических параметра [3].

Прежде всего, он одним из первых перешел от формально-юридического анализа общества, доминировавшего в первой четверти XIX в. к изучению социальных параметров возникновения, функционирования и эффективности юридических норм. Как и Монтескье, Токвиль начал свои исследования в рамках сравнительного правоведения, в частности, уголовного и гражданского права Америки, Англии и Франции. К ним добавились исследования правовой традиции Швейцарии, Германии и отчасти России, причем показательно его внимание к наследственному праву, нормы которого четко выражают преемственность социальных отношений или разрыв этой преемственности. Другая особенность подхода Токвиля – стремление преодолеть европоцентризм и включить в сферу своих научных интересов правовые и социальные институты не только Западной

Европы, но также Восточной Европы, Америки, колониальных территорий (анализ культурно-правовой жизни Алжира и Индии), что нашло выражение в сопоставлении христианской и мусульманской правовой традиции. Третья особенность метода французского ученого – стремление к построению моделей изучаемых явлений. Так, от эмпирического изучения отношений собственности и их выражения в социальных структурах, Токвиль переходит к обобщениям более высокого порядка, призванным выразить политическую культуру различных обществ. Он анализирует соотношение таких параметров, как социальные установки (религиозные, социально-психологические и вообще ценностные), их соотношение с характером социального поведения различных групп, общий вектор их взаимодействия, выражающийся в изменении правовых норм и их реализации. Подход Токвиля очень близок нашему времени в том, что им впервые была четко сформулирована проблема адаптации традиционалистских структур в современное гражданское общество. Положение различных социальных и национальных групп, религиозных меньшинств (негров, индейцев, квакеров, духовенства, нищих, аристократии, интеллектуалов и пр.), гармоничность их вхождения в современное общество были для него, несомненно, эмпирическим и эвристическим критерием рациональности общества, что нашло выражение в осмыслении им интегрирующего понятия «свободы».

Социологический подход характерен и для методики исследовательской работы Токвиля. Она включала, с одной стороны, традиционные общенаучные методы – сравнительное изучение актового материала и правовых норм; статистики; исторического и источниковедческого анализа документов (Токвиль много работал в архивах, собирал мемуары, изучал прессу революционной эпохи) [4]. С другой стороны, он применял собственно социологические методы сбора и обработки данных – «устной истории» (опросы участников исторических событий); экспертных оценок (беседы с избранными специалистами и политиками по заранее намеченному кругу вопросов); научных экспедиций,

которые (как, например, путешествия в Англию, Америку, Восточную Европу, Алжир) специально готовились и имели четкий научный смысл; социологических опросов, проводимых на основе заранее составленных анкет. В этой связи представляет интерес составление Токвилем «Carnet alphabetique» – особых путевых тетрадей, где в алфавитном порядке суммировались результаты бесед и личных наблюдений по таким, например, параметрам как «религия», «единообразие», «централизация», «полиция», «уголовное судопроизводство», «аристократия» и т.д. [5]. Данный метод позволял так структурировать новые наблюдения, что они накладывались на сделанные ранее наблюдения по тем же параметрам, полученные в других странах или по другим источникам. Наконец, Токвиль практиковал метод «включенного наблюдения» и анализировал как ученый те проблемы, с которыми он столкнулся как политик (депутат, парламентарий и министр).

Общая направленность его исследований состояла в выявлении институтов, социальных групп и индивидов, реально принимавших участие в крупных социальных процессах, их установок и взаимодействия в ходе изменений (революций, реформ, переворотов). Особое внимание обращалось на распад старых социальных слоев («аристократии») и образование новых – «революционеры», «интеллектуалы», «бюрократия». В результате в отношении изучаемых социальных явлений стал возможным не только аналитический подход, но и прогностический анализ: что такое демократия, каковы ее позитивные и негативные стороны; как соотносятся два основных способа ее формирования – революция и реформа; при каких обстоятельствах демократия переходит в авторитаризм; по каким параметрам отличаются процессы социальной трансформации в стабильных обществах и в обществах переходного типа. Токвиль не только впервые поставил эти вопросы, но и предложил их решение, востребованное современной наукой.

Современный научный анализ мирового исторического процесса делает необходимым создание моделей, выражающих специфику проявления глобальных тенденций в различных хронологических, географических и

социально-политических рамках. Главным предметом дискуссии продолжает оставаться вопрос о том, насколько классические западные модели перехода от феодализма к гражданскому обществу и от абсолютизма к правовому государству сохраняют свое значение для понимания существа социальных процессов, происходящих ныне в Восточной Европе, в Азии и в других регионах мира. Центральное место принадлежит концепции становления современной демократии, порожденного этим процессом социального конфликта – соотношения старого порядка и революции. Впервые в полном объеме данная проблема была поставлена Токвилем в трудах об американской демократии и о Великой французской революции. До последнего времени недостаточное внимание обращалось на тот факт, что модель Токвиля была построена на более широком фактическом материале, включая российский, и оказала определенное влияние на формирование стратегии российского либерализма.

В центре внимания Токвиля оказывается проблема демократии. Ей посвящены все его основные произведения: *«Демократия в Америке»*, где дается анализ возникновения и развития ее характерных признаков в США [6]; *«Старый порядок и революция»* [7], где имеет место попытка определить специфику ее возникновения во Франции. Наконец, ей посвящены его *«Воспоминания» о революции 1848 г.* [8], где показано становление социального вопроса. Путем сопоставления разных типов общества Токвиль стремится решить одну проблему – возникновения демократии как нового социально-политического строя. Он ищет ее решение в интерпретации перехода от традиционного феодального и аристократического общества к обществу равных возможностей. Центральным при такой постановке вопроса оказывается соотношение принципов равенства и свободы. Концепция демократии как внутренне противоречивого образования основана на взаимной противоположности образующих ее принципов. Отсюда поиск нового политического идеала – сочетания демократии (как всеобщего

равенства) с институтами либеральной направленности. Политической формой его реализации становится конституционная монархия.

Этимология понятия демократии претерпела существенную трансформацию после Французской революции, общее направление которой состояло в усилении социального компонента. Для эпохи революции характерно понимание демократии как чисто политического явления [9]. В этот период, однако, возникает две различные ориентации в интерпретации демократии, представленные соответственно, доктриной народного суверенитета Руссо (развивавшейся от Конституанты до Третьей Республики) и идеей представительного правления Монтескье (развивавшейся от эпохи Просвещения к либеральным доктринам XIX в.). Конфликт этих двух принципов выразился наиболее четко в дискуссии между жирондистами и монтаньярами о конституции и двух ее проектах: первый (принадлежащий Кондорсе) исходил из идеи представительства и создания рационально организованной власти [10], второй (робеспьеристский) отстаивал принцип народной воли и идею централизации власти в руках народных представителей. В обоих проектах доминировало еще чисто политическое представление о демократии (в стиле энциклопедистов) [11]. Аббат Сийес объяснял революционный кризис борьбой Третьего сословия за свои права, но усматривал разрешение конфликта в политической реформе и реализации концепции представительства [12]. Социологическая интерпретация революции, выдвинутая А. Барнавом, концентрировалась на объективно сформировавшихся классовых и сословных диспропорциях, но разрешение конфликта в ней предполагало реализацию нового политического режима – смешанной формы правления по образцу американской [13]. Ряд предшественников и современников Токвиля, подобно Шатобриану, интерпретировали различные фазы революционного цикла в виде смены руководящих принципов – равенства (Республика), силы (Империя), свободы (Реставрация) [14]. Другие, как Бенджамен Констан [15] и мадам Де Сталь

[16], связывали логику социального конфликта с развитием просвещения или общим движением нации к политической свободе. Идея демократии как социального, а не только политического порядка высказывалась по завершении эпохи Реставрации, например, в сочинениях Руайе-Коллара (в 1820-е гг.). Однако «семантический поворот» в интерпретации демократии приходится на 1830-е гг. и связан, прежде всего, с появлением первой части книги Токвиля – *«Демократия в Америке»* (1835), чем и объясняется ее успех. Здесь демократия впервые осмысливается как целостное социальное явление и интерпретируется не просто как политический строй, но как тип общества [17]. Равенство условий выступает как мотор революционных изменений общества, приводит к появлению его нового типа, где постоянное давление народной воли на государственные институты становится непреодолимым фактором.

Двойственное отношение Токвиля к демократии сказывается на неоднозначности современных трактовок его учения. Он проявил критический подход к демократии в связи с ее идеей всеобщего равенства, поскольку она, на его взгляд, уничтожает подлинную свободу индивида. В то же время он был убежден, что только демократия гарантирует, в конечном счете, сохранение этой свободы в новых условиях социального развития [18]. Токвиль выступал против как тех, кто вообще отбрасывал демократию, так и тех, кто стремился формальное равенство превратить в реальное состояние (доведя тем самым идею демократии до логического конца – до разрушения существующего общества). Эти последние (социалисты и коммунисты) представляют, по его мнению, наибольшую опасность, так как претендуют на более значительный контроль над человеком с присущей ему природой (и считают возможным ее изменение и подавление), чем это было в деспотических государствах. Поступательное распространение равенства (при всей его сомнительности) для Токвиля очевидно, а потому необходимо найти рациональную форму его выражения. Эта форма предполагает отказ от тотальности демократии, уважение к различию индивидов и их мнений. Суть

умеренной трактовки демократии состоит в интерпретации ее как юридически закрепленного равенства прав, но отнюдь не фактического равенства. Токвиль выступает в мировой истории как создатель новой теории демократии, а именно – либеральной демократии, где принцип формального равенства сочетается с гарантиями прав меньшинств и индивидуальной свободы личности [19]. В этой концепции «мыслящей демократии» акцентируется внимание на естественных и неотъемлемых правах человека перед лицом государства, предлагаются такие политические формы его организации, при которых личность имеет максимальные шансы для самореализации в рамках закона.

Существо социологической модели Токвиля состоит в следующем: переход от сословно-иерархического феодального общества к демократии (как юридическому равенству индивидов) есть объективный социальный процесс, охватывающий постепенно весь цивилизованный мир. Такой переход может осуществляться в двух формах. С одной стороны, это эволюционный путь реформ, постепенно расширяющих масштаб социального равенства в сочетании с гарантиями политических свобод (англо-саксонский вариант), с другой – революционный путь, разрушающий старый порядок и ведущий к установлению социального равенства без индивидуальной свободы путем авторитарно-бюрократического регулирования общества (Революция 1789 г. и бонапартизм). Если первый вариант разрешения социального конфликта представлен наиболее полно в американской демократии с развитым индивидуализмом, то второй характерен для стран континентальной Европы, где развитие среднего класса затрудняется или вовсе исключается абсолютизмом и правящим привилегированным классом. Крайним выражением последней тенденции для Токвиля выступает Россия, где крепостнические отношения делают возможным переход к равенству исключительно путем деспотического государственного принуждения. Французский вариант перехода к демократии занимает промежуточное положение между двумя

противоположными идеальными типами – Америки и России, каждой из которых, как пророчески отмечал Токвиль, «провидение втайне уготовило стать хозяйкой половины мира» [20]. В силу этого кризис Старого порядка во Франции выступал как возможная модель разрешения социального конфликта между обществом и государством в модернизирующихся странах Восточной Европы и России, где быстрый переход к демократии таил угрозу появления нового типа деспотической государственности.

Обращение Токвиля к теме революции и реформы как двух основных способов перехода общества к демократии объясняется актуальностью ее для общественной мысли Франции первой половины XIX в. Окончательный выбор при решении данной проблемы (он составлял предмет длительных размышлений Токвиля) определялся стремлением понять реальный механизм социальных изменений. Это предполагало, рассмотрение социальных процессов на длительном интервале времени с целью выявления доминирующих тенденций, проведение сравнения предшествующих и последующих эпох (вертикальный срез), и, наконец, выяснение общего и особенного в социальном развитии Франции в сравнении с другими странами (прежде всего с Америкой, на материале которой формировалась парадигма демократии). На пересечении этих трех направлений и оказывалась проблема старого порядка и революции. Моделью служил другой классический труд о социальном конфликте – *«Размышления о причинах величия и падения римлян»* Монтескье [21]. Следовательно, выбор темы детерминировался в конечном счете социологическим подходом, чем объясняется и характер работы над книгой. Токвиль (в отличие от историков) шел не от источника к проблеме, а от проблемы к источникам.

Концепция Токвиля сформировалась не сразу, явилась результатом эволюции его взглядов и исследований по трем направлениям: исторически сложившийся характер отношения принципов демократии и аристократии в истории страны; особая роль государства в этом процессе; и, наконец, революционная идеология как автономная сфера социального бытия [22].

Эти проблемы интересовали Токвиля еще в период работы над произведением об американской демократии, первые две части которого появились в 1835, а вторые – в 1840 г. Характерно, что именно в тот промежуток времени Токвиль опубликовал первую работу об истоках французской революции. Речь идет о кратком эссе «*L'Etat social et politique de la France avant et depuis 1789*» [23]. Уже здесь прослеживается отказ от концепции Ф. Гизо, видевшего суть проблемы в конфликте знати и среднего сословия, взаимоотношения которых с центральной властью определяли основную линию французской истории, ее специфику в сравнении с английской моделью. В противоположность Гизо, отрицавшему позитивное значение аристократии в развитии гражданского общества, Токвиль (подобно Монтескье) выдвигал тезис о ее решающей роли в сохранении индивидуальных свобод на провинциальном уровне перед лицом центральной власти. Последовательное размывание аристократического общества в ходе укрепления королевской власти было движением в направлении всеобщего равенства, но сопровождалось уменьшением степени политической свободы. В своем основном труде о революции Токвиль в качестве главной выдвинул именно эту проблему диалектики административной централизации и демократии, результатом которой становились различные соотношения принципов равенства и свободы. Если общая тенденция административной системы оставалась в принципе неизменной до и после революции, то меняющаяся интерпретация демократии – соотношения принципов равенства и свободы (воплощавшееся в многочисленных французских конституциях) наводило на мысль об автономности идеологии и идеологов в процессе социальной трансформации.

Началом его анализа становится поиск идеи революции. Откуда она взялась, как сформировалась, каким образом получила столь широкое распространение, наконец, благодаря каким силам приобрела преобладающее значение и смогла разрушить существующий строй – вот вопросы, волновавшие современников Токвиля ничуть не меньше, чем современных

исследователей и публицистов. Ответ, предложенный Токвилем, состоит в идее новизны, или, как сказали бы мы сейчас – модернизации. Этим объясняется критика Старого порядка всеми слоями общества, особенно аристократией, которая, казалось бы, непосредственно была заинтересована в его сохранении. Основным проявлением этих настроений стали насмешки над королевским абсолютизмом, которые разделялись всеми – от философов до простолюдинов и возрастали по мере расширения либеральных уступок власти обществу. Другой особенностью революционной идеологии является ее тотальность, выраженная в претензии дать ответы на все вопросы бытия. Это делает революционную идеологию сходной с религиозной реформацией. Она стремится не только к полному контролю над личностью в духовной сфере, но и к перестройке этой личности в соответствии с новыми абстрактными критериями, этического и рационального характера. Токвиль, таким образом, отметил в идеологии Французской революции устойчивые признаки того, что стало в дальнейшем именоваться тоталитарными идеологиями, возникшими в результате крупнейших революций XX в. [24].

В этой перспективе заслуживает внимания анализ Токвилем особой социальной группы предреволюционного общества, сыгравшей крайне важную роль в подготовке его разрушения – философов-просветителей, аналогом которых выступают последующие интеллектуалы. Он подчеркивает в их мировоззрении как раз те черты, которые затем столь четко были воспроизведены русской интеллигенцией – абстрактный характер теорий в сочетании с отсутствием практического опыта, стремление к радикальным изменениям по плану не считаясь с потерями, дух новизны и ниспровержения традиционных ценностей (мы назвали бы это вслед за Тургеневым нигилизмом). В условиях отсталого общества роль этого интеллектуального меньшинства оказывается крайне деструктивной, поскольку благодаря его усилиям порождается утопия, которая не может быть реализована на практике. Противовесом деструктивному влиянию интеллектуалов может служить сохранение в обществе прежней роли

аристократии, которая исторически сочетает в себе опыт управления и стремление к индивидуальной свободе.

Важный вклад Токвиля в социологическую теорию революции состоял в установлении ее социальных причин: революция происходит не в эпохи упадка, но, напротив, в относительно благоприятные периоды. Этот тезис стал отправной точкой последующей (немарксистской) социологии революции. Он, в частности, получил развитие в книге П. Сорокина *«Социология революции»*, где афористично утверждается, что революции совершают не голодные люди, но те, кто не пообедал один раз. Они возникают в периоды быстрого развития, при котором традиционные привилегированные группы испытывают дискомфорт или даже относительный упадок, становясь деструктивным фактором. Традиционные структуры сопротивляются изменениям, видя в них угрозу своему существованию, которая на самом деле коренится в их отказе от проведения назревших социальных реформ. Наконец, вся логика революционных циклов связана со сменой первоначальных утопических представлений, стимулируемых мощным социальным мифом, движением к реальности, неизбежно приобретающих характер реставрации [25]. Токвиль вполне четко показал явление, известное в социологии под названием завышенных запросов и неоправданных ожиданий, что позволяет современным исследователям видеть причину революции в реакции на консерватизм правящих структур в условиях быстрых изменений. Дестабилизация всей системы при таком развитии событий ведет к неконтролируемому проявлению иррациональных инстинктов масс, сметающих Старый порядок. Появление и распространение революционной идеи не коррелируется прямо с экономическим строем. Р. Арон отметил, что созданная Токвилем парадигма революции стала определяющей в современной науке, поскольку позволила объяснить появление не только Великой французской революции 1789 г., но и революций XX в. [26].

Революции возникают не в развитых, а именно в отсталых странах на стадии их быстрой модернизации, представляя собой реакцию традиционалистского сознания (как правило, традиционного аграрного общества) на быстрые изменения. Она выступает как вероятное проявление социального конфликта на макроуровне при переходе от традиционного (сословного) общества к индустриальному (гражданскому) обществу, однако данная тенденция не является абсолютной. Противопоставление революции и реформы приобретает новый смысл: объективные цели революции могут быть достигнуты реформаторскими методами в случае их осознания правящим классом, его гибкости и способности к восприятию нового, а также политической воли к преобразованиям.

Стремлением проверить гипотезу о подавлении абсолютизмом феодальных порядков объясняется обращение Токвиля к сравнительному изучению тех регионов Германии и Франции, где феодальные отношения оказались самыми устойчивыми и где до XIX в. сохранились их следы. Россия дала пример обратной тенденции – абсорбирования государством независимых социальных институтов. Примечателен факт исследования Токвилем книги барона А. Гакстгаузена об аграрных и социальных институтах России, размышления о перспективах их развития [27]. Эти исследования не отразились, к сожалению, в книге Токвиля *«Старый порядок и революция»*, возможно из-за того, что она не была завершена, но этот же метод использовал для изучения России другой французский исследователь – А. Леруа-Болье [28]. Взяв за основу модель сопоставления Америки и России, он стремится проанализировать недостающий российский компонент по тем основным параметрам, которые Токвиль выделил для американской демократии – анализ общих особенностей цивилизационного развития (географические, социально-психологические условия и национальная историческая традиция); соотношение доминирующих религиозных ценностей и экономического поведения, структуры и институты российского общества и их трансформация в ходе крестьянской реформы,

наконец, перспективы развития государственности и революционного движения. Ключевую проблему Леруа-Болье, как и Токвиля, усматривал в позиции государства в модернизирующемся аграрном обществе, роли бюрократии в формировании гражданского общества и правового государства. Этот подход использовал и М. Вебер при изучении российской религиозной традиции и организации бюрократической системы. Влияние концепций Токвиля на Вебера прослеживается в области теории познания (идеальные типы), в постановке ключевых проблем (отношения религиозных верований и хозяйственной деятельности), в поиске ответа на них в сравнительных исследованиях, в частности – в сравнении Америки и России. Этот подход реализован в статьях Вебера о русской революции и псевдоконституционализме [29].

Труды Токвиля сформировали парадигму анализа российского политического процесса во Франции, а в значительной степени и в России. Это либеральная интерпретация отношений общества и государства нового времени, русской революции, а также последовавшей за ней большевистской диктатуры. Обращение Токвиля к изучению социальных отношений Восточной Европы относится ко времени работы над первым трудом о демократии в Америке, однако его внимание к этой теме усиливается в дальнейшем, особенно ко времени написания труда о французской революции. Мы определили главную проблему Токвиля как изучение перехода от Старого порядка к демократии и представили предложенное им ее социологическое решение. Однако его интересовал в первую очередь вопрос о конкретных формах такого перехода в различных типах обществ. То была проблема соотношения двух путей перехода к демократии – непосредственного эволюционного создания гражданского общества (представленного Англией и выраженного наиболее четко Америкой) и опосредованного, осуществляемого государством, фактически берущим на себя функции национальной интеграции и формирования гражданской инфраструктуры. Второй путь характерен для обществ, где отсутствовал или

был очень слаб средний класс – буржуазия, а задача перехода к демократии осуществлялась в виде социальной революции, которая лишь завершала централизаторскую и унификаторскую традицию абсолютистского государства. Этот путь, по его мнению, был представлен Францией, где революционный конфликт между обществом и государством, составлявший содержание революции, разрешился в виде создания сильного государства с централизованной бюрократией, являющегося гарантией необратимости демократии. Эта линия развития, считал Токвиль, возникла не столько спонтанно в ходе революции, сколько была следствием длительной исторической традиции, восходящей к эпохе формирования абсолютизма и подавления им всех других форм гражданского равенства и самоуправления, заложенных в феодальной системе. Крайней формой выражения этой тенденции являлись традиционалистские государства Восточной Европы, особенно Россия, где все социальные изменения в направлении демократии могли осуществляться лишь при активном участии государства. В этой перспективе Французская революция выступала как возможная (но не неизбежная) модель развития других абсолютистских государств – симптом нестабильности самого абсолютизма. Данная идея открывала путь к сравнительному изучению социальной трансформации во Франции и других государствах континентальной Европы, прежде всего Восточной. Таким образом, Токвиль подошел к выделению одной группы стран, где равенство соединялось со свободой (англосаксонский вариант), и другой их группы, где равенство соединялось с деспотизмом (континентальный вариант).

Постановка Токвилем проблемы конфликта общества и государства сыграла заметную роль в теоретических дискуссиях периода либеральных реформ 60-х годов XIX в. Концепция демократии Токвиля стала предметом обсуждения западников и славянофилов, либералов и демократов (известны отзывы на нее со стороны Пушкина и Тургенева). Пушкин разделял опасения Токвиля в отношении наступления демократии в неподготовленной аграрной стране и считал, что это может привести к разрушению культуры общества

[30]. Русская наука в эпоху реформ была ориентирована на германскую философскую мысль, прежде всего на учение Гегеля о гражданском обществе и правовом государстве, а также на доктрину исторической школы права. Последняя, связывая развитие права с постепенной эволюцией институтов и народного правосознания, была близка Токвилю неприятием радикальных изменений в праве (в стиле Кодекса Наполеона). Рассматривая политические итоги Французской революции 1789 г. в контексте социальных реформ в России, такие крупнейшие представители правовой науки как Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, а позднее П.Н. Милюков и П.Г. Виноградов приходили к выводам, сходным с полученными Токвилем. В рецензии на *«Старый порядок и революцию»* Б.Н. Чичерин рассмотрел проблему централизации и децентрализации власти в условиях переходного периода и однозначно высказывался в пользу последней, имея в виду ключевую роль бюрократии в реформах [31]. Ю.Ф. Самарин, один из разработчиков проекта крестьянской реформы 1861 г., определял Токвиля как «западного славянофила», а достоинством его метода считал эволюционистский подход к социальным реформам [32]. В либеральной публицистике рубежа XIX-XX вв. рефлексия идей французского мыслителя также заняла видное место [33]. К русскому изданию 1905 г. книги *«Старый порядок и революция»* известный либерал и сторонник английской политической системы П.Г. Виноградов дал следующую характеристику личности А. Де Токвиля: «По происхождению и воспитанию он был аристократ, по характеру и убеждениям – либерал-индивидуалист, и он выбрал темы для своих работ – о демократии в Америке и о происхождении Французской революции – потому, что был глубоко заинтересован не только теорией, но и практикой демократического движения и политической свободы» [34].

Основной проблемой русского либерализма этого времени становится либеральная и конституционная демократия. Ее суть усматривается в противопоставлении утопическому тезису социализма о возможности

достижения фактического равенства концепции формального равенства (правового государства). Вслед за Токвилем проблему предлагалось решить в форме конституционной монархии. М.М. Ковалевский анализирует ее в таких работах, как: «Происхождение современной демократии» (1895); «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (1906); «Общее конституционное право» (1908). Н.И. Кареев разрабатывал с близких позиций проблемы аграрной истории Французской революции, а П.Г. Виноградов – политико-правовую традицию Великобритании. Большую популярность получает тема сравнения России и Америки, которая раскрывается в сравнительных работах Ковалевского и особенно Милюкова, сделавших сопоставление двух цивилизаций предметом лекций в США. Данное направление находит свое завершение, несомненно, в концепции демократии и политических партий М.Я. Острогорского. Он называл Токвиля «Монтескье нашего времени» [35]. В связи с книгой Токвиля предметом обсуждения в России XIX-XX вв. стали вопросы соотношения демократии и авторитаризма, перспектив аристократического принципа в условиях перехода к демократии, революции и реформы, федерализма и централизации, самоуправления и бюрократии.

Главная проблема для Токвиля – переход от сословного общества с системой привилегий и абсолютистской организацией власти к демократии с господством принципа всеобщего равенства и представительными парламентскими институтами. Именно она стала центральной в России при переходе от системы номинального конституционализма к правовому государству в конце XX в. Если Токвиль рассматривал переход от сословного общества к демократии как теоретическую проблему, то мы можем видеть ее практическое решение через 150 лет в совершенно других исторических условиях [36]. В России после революций 1905 и 1917 г., также как во Франции после событий 1789-1793 гг. путь к становлению демократического правового государства оказался долгим и извилистым.

Взгляд Токвиля на формирование демократии и срывы на этом пути вполне соответствует современной концепции *гражданского общества*. Гражданское общество включает три основных измерения – правовое (равенство перед законом), политическое (всеобщее избирательное право) и социально-экономическое (параметры, характеризующие социальное государство). Данный подход, однако, получил развитие и корректировку в новейших исследованиях. Во-первых, положив в основу европейскую модель движения к гражданскому обществу, классическая теория оставляет вне рассмотрения особенности движения к нему в других регионах, где развитие гражданских прав может иметь (и имеет) специфику, связанную с традиционализмом этих обществ. Во-вторых, доминирующая модель западной демократии (с установившимся в ней соотношением прав и обязанностей) не охватывает чрезвычайно разнообразной и противоречивой динамики современного мира, где реализация одних (например, экономических) параметров гражданского общества часто сопровождается ослаблением или подавлением других параметров (правовых и политических). В-третьих, необходимо учитывать неоднозначное положение различных социальных категорий (например, женщин, национальных меньшинств, духовенства, иностранцев). Современный подход к гражданскому обществу близок к социологической концепции Токвиля, включая конфликтные параметры демократии и рассмотрение динамики их изменения: классовое, половое, возрастное деление общества, его этнический состав, проблемы самоидентификации различных социальных меньшинств и реализации их прав, наконец, политизации этих прав в рамках национальных государств и в глобальной перспективе.

Выражением внутреннего противоречия демократии повсюду в мире является невозможность окончательного согласования равенства и свободы. В своем абсолютном выражении они ведут к двум одинаково опасным для общества следствиям – к деспотизму (тоталитаризму) и к революционной катастрофе (анархии). В обоих случаях происходит разрушение

гражданского общества, таких его важнейших институтов, как право, собственность, личность. Если такая катастрофа имеет шансы реализоваться, то альтернативой ей становится уже не стабильное гражданское общество, но авторитаризм, который позволяет сохранить некоторые основные параметры гражданского общества (прежде всего в области частного права) ценой ограничения или даже утраты других (политической свободы). Возникает состояние, получившее наименование «*направляемой демократии*».

Специфической *разновидностью авторитаризма* Нового времени, которая оказалась в центре внимания Токвиля, *стал бонапартизм*. Он возник путем синтеза двух основных принципов демократической революции – народного суверенитета (всеобщее избирательное право как выражение идеи равенства) и представительства (как выражение свободы, представленной возможностью делегирования властных полномочий от народа – парламенту и от последнего – одному лицу). Так появился феномен двойной легитимности власти в переходный период: народной легитимности, проистекающей из демократического принципа, и династической, имеющей тенденцию к обоснованию с позиций священного права. Данный тип авторитаризма, сочетающего новую, демократическую легитимность с сохранением старой неограниченной единоличной власти, оказался той моделью, которая впоследствии неоднократно реализовалась в ходе социальных революций Нового и Новейшего Времени.

На всех этапах социального противостояния решающая поддержка подобным режимам была оказана со стороны огромного молчаливого большинства – среднего класса, крестьянства, которое Маркс именовал «мешком с картошкой», а Токвиль – формирующейся демократией. Отвергая бонапартизм в принципе, Токвиль реалистически оценивал его как временное и неизбежное зло, через которое необходимо пройти постреволюционному обществу во избежание анархии и для проведения непопулярных социальных реформ. Тенденция к усилению административной централизации в эпохи кризисов становится условием сохранения преемственности развития в

направлении демократии. Демократия не является абсолютной формой политического развития, представляя собой процесс перехода от авторитаризма к обществу равных возможностей. Хорошо видя недостатки и противоречия принципа демократии, Токвиль показал опасность его абсолютизации, превращения в свою противоположность – демократическую тиранию. Его вывод состоит в необходимости сочетания демократии и индивидуальной свободы, фактически – создании конституционных гарантий прав личности, что остается актуальным и для современной России.

Сравнительный анализ революционного процесса в XX в. позволяет переосмыслить созданную Токвилем модель перехода от старого порядка к демократии как универсальную социологическую парадигму. Токвиль рассмотрел идеальный тип революции Нового Времени, который требует существенных корректировок для его приложения к революционным конфликтам XX века. Данная модель все же находит применение также в современной социологии в качестве основы для проведения анализа развития не только Французской, но и Русской, Мексиканской, Китайской, Иранской революций. То, чего не мог предвидеть Токвиль – тоталитаризм как следствие революции, рост национализма, конфликта цивилизации и техники, качественного изменения роли бюрократии в социальных процессах, наконец, глобализации конфликта традиционного менталитета и социальных структур с рациональным европейским мировоззрением – не противоречит его общей гипотезе о механизме революций и реформ и их роли в истории. Это позволяет констатировать актуальность метода Токвиля при анализе политического процесса и правовых реформ в современных обществах переходного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chevallier J.-J.* Histoire de la Pensée Politique. Paris. Éditions Payot et Rivages, 1993. P. 772 -783.
2. Избранная библиография важнейших трудов А. Де Токвиля и работ о нем: *Jardin A., Melonio F.* Bibliographie Sélective Commentee // Alexis de Tocqueville – Zur Politik in der Demokratie. Symposion zum 175. Geburtstag von A. de Tocqueville. Hrsg. Von M. Hereth, J. Hoffken. Baden-Baden, Nomos, 1981. S. 121-172; Bibliographie de la Révolution Francaise, 1940-1988. Sous la direction de A. Fierro. Paris, Références, 1988. Vol. 1-2.
3. *Birnbaum P.* Sociologie de Tocqueville. Paris, PUF, 1970; *Poggi G.* Images of Society. Essays on the Sociological Theories of Tocqueville, Marx, and Durkheim. London, Oxford Univ. Press, 1972; *Hadari S.A.* Theory in Practice. Tocqueville's New Science of Politics. Stanford Univ. Press, 1989.
4. *Mayer J.-P.* Matériaux pour une Histoire de L'Influence de L'Ancien Régime // Tocqueville. L'Ancien Régime et la Révolution. Paris, Gallimard, 1994; *Jardin A.* Alexis de Tocqueville 1805-1859. Paris, Hachette, 1984; *Lamberti J.-C.* Préfas // *Tocqueville.* Oevres. Paris., Gallimard, 1991. Vol. 2.
5. *Tocqueville A. de.* Voyages en Angleterre, Irlande, Suisse et Algerie. Texte établi et Annoté par J.P. Mayer et A.Jardin // Alexis de Tocqueville. Oeuvres Complètes. Paris, Gallimard, 1958. Vol. IV. P. 29-35.
6. *Tocqueville A. De.* De la Démocratie en Amerique // Alexis de Tocqueville. Oeuvres Complètes. Paris, Gallimard, 1951. Vol. I-II.
7. *Tocqueville A. de.* L'Ancien Régime et la Révolution. Paris, Gallimard, 1994.
8. *Tocqueville A. de.* Souvnirs. Paris, Gallimard, 1964.
9. *Reynayd P.* Démocratie // Dictionnaire Critique de la Révolution Française. Paris, Flammarion, 1992. Vol. 1. P. 100-120.
10. *Condorcet.* Essai sur la Constitution et les fonctions des Assamblées Provinciales // Sur les Élections et Autres Textes. Paris, 1986.

11. Олар А. Политическая история Французской Революции. Происхождение и развитие Демократии и Республики (1789-1804). М., Изд. Скирмунта, 1903.
12. Sieyes E. Qu'est-ce que le Tiers État? / Pref. de J.D. Bredin. Paris, 1988.
13. Barnave A. De la Revolution et de la Constitution / Préf. A.Furet. Paris, 1988.
14. Chateaubriand F.R. De la Monarchie selon la Charte // Chateaubriand. Grans Ecrits Politiques/ Présentation et notes J.-P. Clement. Paris, 1993. Vol. 1.
15. Constant B. Ecrits Politiques: Textes Choisis, Présentés et Annotés par M. Gauchet. Paris, 1997; Bastid P. Benjamin Constant et sa Doctrine. Paris, 1966. Vol. 2.
16. Madame de Stael. Des Circonstances Actuelles qui Peuvent Terminer la Révolution et des Principes qui Doivent Fonder la République en France / Edition Critique par L. Omacini. Paris-Genève, 1979.
17. Rosanvallon P. L'Histoire du Mot Démocratie a l'Epoque Moderne // Situations de la Démocratie. Paris, Gallimard, 1993. P. 24-25.
18. Manent P. Tocqueville et la Nature de la Démocratie. Paris, Fauard, 1993. P. 177-179.
19. Démocratie et Société en 1984: Tocqueville et Orwell // Bulletin d'Association Internationale des Sociologues de Langue Française. Bruxelles, Institut de Sociologie Université Libre de Bruxelles, 1985.
20. Токвиль А. Де. Демократия в Америке. М., Прогресс, 1992. С. 296.
21. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., Канон, 2002.
22. Furet F. Tocqueville et le Problème de la Révolution Française // Furet F. Penser la Révolution Française. Paris, Gallimard, 1978. P. 173-211.
23. Tocqueville A. de. L'Etat social et politique de la France avant et depuis 1789 // Alexis de Tocqueville. Oeuvres Complètes. Paris, Gallimard, 1958. Vol. III.
24. Drescher S. Dilemmas of Democracy. Tocqueville and Modernization. Pittsburgh. Univ. Press, 1968; Richter M. Modernity and its Distinctive Threats

- to Liberty: Montesquieu and Tocqueville on New Forms of Illegitimate Domination // Zur Politik in der Demokratie. Hrsg. Von M. Hereth, J. Hoffken. Baden-Baden, Nomos, 1981. S. 71-74; *Pisa K.* Alexis de Tocqueville. Prophet des Massenzeitalters. Eine Biographie. München, Piper, 1986; *Dittgen H.* Politik zwischen Freiheit und Despotismus. Alexis de Tocqueville und Karl Marx. München, K.Alber, 1986; *Boesche R.* The Strange Liberalism of Alexis de Tocqueville. New York, Cornell Univ. Press, 1987; *Melonio F.* Tocqueville: aux Origines de la Démocratie Française // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Oxford, Pergamon Press, 1988. Vol. 3. P. 595-611.
25. *Sorokin P.A.* The Sociology of Revolution. London, 1924; *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New-York, Knopf, 1952; *Timascheff N.S.* War and Revolution. N-Y, Sheed and Ward, 1965.
26. *Арон П.* Этапы развития социологической мысли. М., Прогресс, 1993. С. 249.
27. *Haxthausen A.* Studien über die inner Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von A. Freiherrn von Haxthausen. Hannover, 1847.
28. *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des Tsars et les Russes. Edition présentée par M. Raeff. Paris, Robert Laffont, 1990.
29. *Weber M.* Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden. Tübingen, Mohr, 1989. S. 164, 404.
30. *Медушевский А.Н.* Демократия и свобода личности: Пушкин и Токвиль // Россия и мировая цивилизация. М., 2000.
31. *Чичерин Б.Н.* Новейшие публицисты: Токвиль // Отечественные записки. 1857. № 5 (т.113).
32. Обзор различных оценок Токвиля в русской публицистике см.: Исаев С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени. Спб., Наука, 1993.
33. *Ковалевский М.М.* Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах // Вестник Европы. 1893. Т.4 (162); *Ейхталь Е.* Алексис Токвиль и

- либеральная демократия. С предисловием Н.И.Кареева. Спб., Изд. «XX век», 1902; *Бутенко В.* Политическое учение Токвиля // Вестник Европы. 1910. № 12.
34. *Виноградов П.Г.* Предисловие // Токвиль А. Старый порядок и революция. М., Кушнерев, 1905 (изд. 4). С. 5.
35. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., РОССПЭН, 1997. С. 72-73.
36. Модели общественного переустройства России. XX век. М., РОССПЭН, 2004.